

Иосиф Гальперин

НА БЕРЕГУ РЕКИ,
КОТОРОЙ НЕТ

Стихи последних лет

Иосиф Гальперин

**На берегу реки, которой
нет. Стихи последних лет**

«Пробел-2000»

2020

УДК 821.161.1-1Гальперин
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

Гальперин И. Д.

На берегу реки, которой нет. Стихи последних лет /
И. Д. Гальперин — «Пробел-2000», 2020

ISBN 978-5-98604-744-7

Написано с сожалением о протекающем времени, со вниманием к давно прошедшему, с сочувствием к другим и с усмешкой – к себе. Стихи Иосифа Гальперина, вошедшие в эту книгу, уже десятую у автора, созданы в последние несколько лет в Болгарии, где он живет, публиковались в русскоязычных журналах Германии, США и Чехии, теперь выходят в России.

УДК 821.161.1-1Гальперин
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-98604-744-7

© Гальперин И. Д., 2020
© Пробел-2000, 2020

Содержание

Наполняясь поэзией, постигнете и себя, и поэта	6
«Моих эпох не сосчитать с разбега...»	8
Несвязное-6	9
«Давай расселим прошлое по разным этажам...»	10
«Сколько силы земной я пожёг на ненужных кострах...»	11
Цветы	12
Несвязное-7	13
«Обернись в мою плоть, словно в плащ...»	14
Вишневый сад	15
Портрет дерева	16
«Захватил перелётный десантник...»	17
«Тонкие песни, высокие песни...»	18
«Там бродят тени в темноте...»	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Иосиф Гальперин

На берегу реки, которой нет: Стихи последних лет

*Любови Цукановой – любимой,
другу,
вдохновителю,
первому читателю,
критику,
редактору.*

*В оформлении обложки использовано фото автора, сделанное из окна кабинета в селе
Плоски, Болгария.*

© Гальперин И.Д., 2020

Наполняясь поэзией, постигнете и себя, и поэта

Здесь города перерастают в горы, деревни и деревья – всё сплелось, и времена плетут свои узоры, так не было, а нынче повелось...

Это я к тому, что поэзия заразна, и я не знаю, какими словами можно предвирать поэтические тексты Иосифа Гальперина, чтобы не перевернуть ни его, ни сборника, ни себя самого. Проще было бы составить предисловие из цитат, которых я настриг множество. Но поэзия живёт по иным законам, и никакой цитатник (а в сборнике много афористичного) не заставит меня задумываться, останавливаться, перечитывать. Ибо любая цитата, даже самая прекрасная, вырвана из контекста. Да и сам контекст в поэзии – понятие условное. Вот вы начнёте читать книгу с этого: «Моих эпох не сосчитать с разбега». И в том же стихотворении: «Я жил, а государства исчезали, и новые над ранами роились...» Но цитаты не передадут вам ни смысла, ни поэтических вибраций того, что поместилось между этими словами, и что будет после.

Я сказал бы неправду, если бы начал рассуждать о том, как российский горожанин превратился в болгарского горца, ухаживающего за садом, собирающего виноград вместе с крестьянами деревни Плоски, готовящего вино и ракию, ожидая созревания поздних гроздей, поднимающегося на гору Пирин сквозь клубящиеся облака, переступая через вымытые древним ручьём корни старых деревьев. Нет, к этому уже привык. Меня интересовало, изменился ли поэт Иосиф Гальперин, издавший уже немало книжек, награждённый звучными премиями, известный в России, Болгарии, Германии, да везде, где читают по-русски.

Да, он изменился. Он будто врос в античность, совершенно не акцентируя на античности внимание. Остался при этом собой, но будто расширив горизонт собственного поэтического зрения. Он стал свободнее в письме. Не в том смысле, что прежде был несвободен. Нас ведь свела жизнь ещё в университете, потом случилось и поработать вместе. Дружили, пересекались по делу и без дела. Внутренняя свобода – дар от судьбы нашему поколению. Я имею в виду свободу обращения со стихотворной формой, когда он демонстрирует мастерство работы с классическими ритмами, а в других случаях легко выходит за классические рамки.

Гальперин всегда был философичен, не запекая мозги читателю терминами, но будто размышляя вместе с ним. О чём? Да о чём угодно. О любви. О политике. О природе. О том, как травы, птицы, слова и мысли вырастают из одного сердца. Да, он изменился ещё и в том, что дал право возрасту своему оценивать прошлое и настоящее, быть критичным к сделанному и ставить знак равенства между исчезающими следами большой истории и одного человека.

Опять хочу процитировать, и вновь запрещаю себе это, поскольку последовала бы целая цепочка цитат... Ладно. Хотя бы это: «От заёмного жара давно уже свой не отнять. Чью задачу решает зажжённый тобою костёр?..» А почему не это: «Завернись поплотнее в мой взгляд, теплота – она верней, чем броня. Нынче страшно на земле, говорят, если зябко – посмотри на меня». А почему не это: «Там бродят тени в темноте – остатки света...» Или это: «То волоком, а то рывками прёт человеческий косяк сквозь воду, твёрдую как камень, сквозь время, данное в горстях». А что за берег реки, которой нет? Извините, прочитаете сами. От гнева читателей меня может уберечь лишь то, что я ни разу не критик. Иначе забил бы вас примерами аллитерации, мастерски используемых сходных корней слов, видимыми и припрятанными метафорами, синекдохами, метонимиями. Но я не критик, я читатель. И вы уж пожалуйста простите мне отсутствие мудрого филологического разбора поэтического полёта. Я могу только утверждать, что полёт этот есть, что стихи у Гальперина взмывают ввысь, падают в пике, планируют над прекрасной планетой, над самой жизнью, врываясь в неё, оставляя в душе свет после того, как сами слова улетели дальше.

Читайте. В этом сборнике много резких поворотов. Вы будете переходить без предупреждения из одного эмоционального состояния в другое, вы будете сливаться с мыслью поэта или

спорить с ней. Но здесь есть главное: наполняясь поэзией, вы будете постигать и путь поэта, и самого себя: «Сверху вниз я читаю текст, снизу вверх читаю дорогу...» И больше незачем вам морочить голову. Остальное – в сборнике.

Виталий Чельшев

«Моих эпох не сосчитать с разбега...»

Моих эпох не сосчитать с разбега.
О, как я жил в военном коммунизме
в послевоенном дне полуподвала,
в счастливом детстве общего барака!

Потом эпоха первоначального
любви и одиночества с друзьями,
пора географических открытий,
эпоха возрождения бесстрашья.

Как таял лёд и воздвигался холод,
крошились пальцы, уходили люди,
но эхом оставались в голове,
всё менее заметные снаружи...

Я жил, а государства исчезали,
и новые над ранами роились,
но древними явились эти страны
из карты раннего средневековья.

Глаза отвёл – и время отступило
к бессмысленным камланиям шаманов.
Эпоха обновления дикарства
и перемены действующих лиц.

Несвязное-6

1

Сверху вниз я читаю текст,
снизу вверх читаю дорогу.

2

– Что ты делал всё это время?
– Читал.
– Что ты читал?
– Художественную литературу.
Надоело жить чужой жизнью. Устал.
Зажил своей. И пишу теперь сдуру.

3

Не хочешь делать то, что нужно сегодня?
Сделай то, что не хотел вчера.

4

Полируй грани,
подгоняй блоки —
можешь без цемента строить на века...
Разъедает камни
критик неглубокий —
воздух общей мысли, мельница песка.

«Давай расселим прошлое по разным этажам...»

Давай расселим прошлое по разным этажам,
пусть поскрипит без нас по нашим половицам.
Теплее станет в доме, и коммунальный гам
прожектором пройдёт по незабытым лицам.

Вот старшие, представь себе, по-своему живут
на первом этаже, где лестницы не нужно,
с кладовкою и печкою – какой ещё уют!
И шаг нелёгкий их, и кашель их натужный.

«Послушай, Константинович, – у папы хитрый вид, —
По-моему, у них приличная ракия...»
Но Вера и Таисия отцу кричат: «Давид!
Потёрпите до ужина, скорые какие...»

Открой окно – над яблоней с веранды голоса,
неуловимо тонкие, как шёлковые нити.
Там детство наших девочек застыло на часах,
они приедут, взрослые, – напомним: посмотрите!

А в кабинете самые скрипучие полы,
ушедшие друзья по ним упрямо ходят.
Смертельные удары и портреты глаз былых
там продолжают спор и правды не находят.

За стенкою, за шторами есть комната без дна,
чего-то мы с тобой не разглядели в блеске.
В ней бьётся, не раскрыв глаза, метельная весна
и солнце изнутри дырявит занавески.

Жилплощадь обрела немеренный метраж,
но судьбы коммунальные не повернуть в России.
Не поздно ли лепить, за этажом этаж,
старинный дом в горах с верандой и ракией?

«Сколько силы земной я пожѐг на ненужных кострах...»

Сколько силы земной я пожѐг на ненужных кострах,
на ненужных путях сам ненужным горя маяком —
знают зов приключений, обычай, надежда и страх,
знает небо пустое, в которое тянет дымком.

От заѐмного жара давно уже свой не отнять.
Чью задачу решает зажжѐнный тобою костѐр?
Кто прокладывал курс и решение принял: «Маячь!»,
кто опять обманул и ладонь убирает: «Не тронь!»?

Как горела трава, не успевшая высохнуть в прах,
ей бы в землю вернуться, пойти на живой перегной,
а она тѐмным дымом трубила на быстрых кострах.
И её урожай высоты достигал неземной.

Цветы

1

Траву вокруг цветов обкашивал,
подумал скромно: нам бы так,
чтоб красоту покоя нашего
не заглушал пустой сорняк.

2

Пионы пали лепестками,
такой неряшливый мазок —
как-будто детский лепет ткани,
в траве ненужный ползунок.

Муштрует зрение годами:
себя на вечность не меняй,
одна примета увяданья —
и сразу мимолётен май.

Забит оттенок перламутра,
вишнёво-яблоневый снег
пропал в траве, и след запутан.
Хотя зачем он нужен, след?

Картины, записи, подсказки...
Невоспроизводима плоть,
но бесконечны копиясты —
и каждый год цветёт и льёт.

А ты в свою не влезешь память,
в такой невинный ползунок.
За стариками-лепестками
один должок.

Несвязное-7

1

Я отдал тебе руку и сердце.
Что ты сделала с ними, скажи?

2

Четыре страны, пустой вагон, двое в купе,
длинная дорога, долгое молчание. Вечный вопрос.

3

То, что ведают ведьмы, не ведает Бог —
струны тонкой настройки соблазна и веры.
Он на бедного Иова – тяжкий урок,
а они потихоньку меняют манеры.

4

Вот расцветает белая акация —
чудесно, как повторная эрекция.
Хотя и ожидаемая акция,
учитывая жар соседней Греции.

5

По крышам, головам, верхам лесов колючим
волочит мокрый плащ сиреневая туча.

«Обернись в мою плоть, словно в плащ...»

Л.Ц.

Обернись в мою плоть, словно в плащ,
сильный ветер, говорят – до костей.
Я своими заслоню каждый хрящ,
каждый листик пряной кожи твоей.

Завернись поплотнее в мой взгляд,
теплота – она верней, чем броня.
Нынче страшно на земле, говорят,
если зябко – посмотри на меня.

Повернись неизменным лицом,
много лет оно со мной говорит:
лучший мир – с тобой, сейчас и потом,
вырастая из-под глыб, из-под плит.

Вишневый сад

1

Не ты закладывал этот сад —
не тебе его вырубать.
Время растёт строго назад.
Вишня цветёт опять.

Ты плакал: где же юности цвет?
Дом заколачивал свой.
Земля на всё находит ответ,
время – её пережной.

2

Камни дрожат под силой корней,
уступая побегам путь.
Продолженье – всего верней,
посади хоть чего-нибудь.

В кронах вишен хоры мембран
лепестков и пчелиных крыл.
Ты гармонии не разобрал,
ты в себе ничего не открыл.

3

Уходит в уголь древесная стать,
пьеса – в новый сезон.
– Чехов, а как бы билетик достать?
– Плати! – отвечает он.

Портрет дерева

Я вижу, ты уже бревно
на складе лесопилки,
но узнаю я всё равно
натёки и прожилки.

А скоро обдерут кору,
бруски поделят кольца
и линии годов порвут —
без времени покойся.

Забудет ветер, хоть с тобой
боролся каждым утром,
затянет плёнкой голубой
твой абрис изумрудный.

Пусть семена покров проткнут
меж старыми корнями —
они начнут отсчёт секунд,
не разделённых с нами.

За то, что ты в себя собрал
погоды, да и взгляды,
в твоих корнях ищу, собрат,
последнюю прохладу.

«Захватил перелётный десантник...»

Захватил перелётный десантник
главный в жизни своей пяточок
и зовёт: от меня не отстаньте!..
Вот и весь его песни крючок.

Единичен и общедоступен
поэтический свист соловья,
не уводят колени от сути,
пусть и скудная правда – своя.

А подруге немного и надо,
разменяет себя на гнездо —
и она выбирает руладу,
зов на помощь, избыточный стон.

Ей одной рассыпает пред всеми
сладких зёрен жемчужную трель...
Нам останется голос весенний,
нотный строй перелётных земель.

«Тонкие песни, высокие песни...»

Игорю Забелину

Тонкие песни, высокие песни...
Не различаю трель соловья.
Слабость – не радость, но в каждой болезни
есть посвободнее зона своя.

Сузился круг, но и в этом не скучно,
радует всякий птичий пустяк.
Слушаю дятла, сову и кукушку,
а остальные напрасно свистят.

Клювы раскрыты и задраны гордо...
Я узнаю повадки крыла,
но почему напрягается горло
в ритме таком – на какие дела?

Дятел ударил – полезное дело,
ухает мрачным пророком сова,
снова кукушка весной прилетела
и зачитала на время права.
Птицы доступного диапазона —
внятны причины и голоса...

Эхо в ушах от бывшего звона.
Взлётная полоса.

«Там бродят тени в темноте...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.